

УДК 811.351

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

К. И. Алибекова

Дагестанский государственный педагогический университет

В статье рассмотрены особенности выражения грамматических значений в аварском и русском языках.

The article deals with the peculiarities of expression of grammatical meaning in the Avar and Russian languages.

Ключевые слова: аналитизм; синтетизм; агглютинация; флексия; флективность; семантика; грамматические категории; словоизменение.

Keywords: analytism; sintetism; agglutination; flection; inflection; semantics; grammatical categories; inflexion.

Как известно, в своих грамматических категориях разные языки отражают различные явления действительности и отношения между этими явлениями. Подобные различия прежде всего отражаются в соответствующем наборе грамматических категорий, однако не меньшее значение при сравнении языков имеет и план выражения: не случайно первые классификации языков строились именно на основе формальных признаков морфологической структуры слова с выделением таких языковых типов, как флективный, агглютинативный и изолирующий. Ср., например, следующую характеристику основных видов морфологической техники, данную В. Гумбольдтом: «Между отсутствием какого бы то ни было указания на категории слов, как это наблюдается в китайском языке, и настоящей флексией не может быть никакого третьего состояния, совместимого с совершенной организацией языка. Единственное, что можно себе представить в промежутке между этими двумя состояниями, это сложение, используемое в качестве флексии, то есть правильно задуманная, но не доведенная до совершенства флексия, более или менее механическое добавление, а не чисто органическое пристраивание. Такое, не всегда легко распознаваемое, промежуточное состояние в последнее время получило название агглютинации» [1, с. 124]. Естественно, что именно эти признаки используются в первую очередь в сопоставительной морфологии, хотя отдельные исследователи, в частности, Г.И. Мадиева [2], избегают характеристик этого аспекта морфологии.

Агглютинативный принцип словоизменения в целом прослеживается в обоих языках, причем с точки зрения соотношения различных категориальных форм имеет смысл различать:

а) собственно агглютинацию как присоединение дополнительного формального элемента к одной форме для выражения другой формы (или «добавление грамматического элемента к основе без ее изменения» [3, с. 87]). Ср.:

рус. *лес* – мн. ч. *лес-а*, *крот* – тв. п. *крот-ом*;

ав. *рукъ* «дом» – *рукъ-зал*, *Муса* (собств. мужское имя) – эрг. п. *Муса-ца* и т.п.

С данным явлением тесно связано функционирование нулевого знака – грамматического явления, характерного в равной степени для русского и дагестанских языков.

В русском языке нулевой знак может выражать значения именительного падежа единственного числа (*один чулок*), а в ряде случаев – родительного падежа множественного числа (*без чулок*), винительного падежа неодушевленных имен (*вижу камень*).

В аварском языке нулевой знак выражает значение именительного (абсолютного) падежа единственного числа имен существительных, ср.: *яс* «девушка», *бацI* «волк», *мах* «береза», *ци* «медведь», *цер* «лиса»;

б) флексию как замену формального элемента к одной форме для выражения другой формы. Ср.:

рус. *лес-а* – род. п. *лес-ов*, *бел-ый* – дат. п. *бел-ому*;

ав. *багIара-б* «красный» – мн. ч. *багIара-л*, эрг. п. *Муса-ца* – дат. п. *Муса-е* и т.п.

В этом ряду можно рассматривать и другие виды соотношений грамматических форм (нередко функционирующие в комбинации с вышеназванными):

в) супплетивизм, то есть наличие у грамматических форм одного слова разных основ:

рус. *человек* – мн. ч. *люди*; *ребенок* – мн. ч. *дети*; *мы* – дат. п. *нам*;

ав. *чIужу* «жена, женщина» – мн. ч. *руччаби*; *щи-в* «кто» – эрг. п. *лъи-ца*; *эмен* «отец» – эрг. п. *инсу-ца*;

г) внутреннюю флексию, то есть наличие у грамматических форм одного слова различных видоизменений одной основы. Среди этих видоизменений можно выделить:

– собственно чередования:

рус. *козл-ен-ок* – мн. ч. *козл-ят-а* (редкий тип соотношения словоизменительных основ);

ав. *цер* «лиса» – эрг. п. *цар-а-ца*; *тIехь* «книга» – эрг. п. *тIохь-о-ца*; *бече* «лиса» – эрг. п. *бач-и-ца*;

Некоторые исследователи аварского языка предпочитают квалифицировать приведенные выше соотношения корневых гласных как результат ассимилятивно-диссимилятивных процессов. С описательной точки зрения определенную трудность представляет в аварской грамматике истолкование соотношений типа *лъади* «жена» – эрг. п. *лъад-у-ца*. С одной стороны, можно считать, что здесь налицо чередование *-и-/-у-* в основе, с другой – трактовать *-у-* как наращение (с последующим усечением *-и-* перед гласным). Кроме того, принципиально допустимо приписывать *-и* функцию показателя именительного (абсолютного) падежа.

В русском языке довольно распространены также не отражаемые в письменной речи фонетические чередования, связанные с позицией фонемы в слове (например, оглушение звонких в конце слова, редукция безударных гласных), в то же время для аварского языка характерной можно считать лишь редукцию (вплоть до выпадения) и сопутствующую ассимиляцию/диссимиляцию:

рус. *дуб* [п] – мн. ч. *дуб-ы*; *год* [т] – дат. п. *год-у*; *во[а]д-а* – вин. п. *вод-у*;

ав. *гамачI* «камень» – эрг. п. *ганчI-и-ца*; *гомог* «желоб» – эрг. п. *гонг-и-ца*; *габур* «шея» – эрг. п. *гарб-и-ца*.

В русском языке этот тип соотношения основ практически ограничивается приведенными примерами, в то время как в аварском он весьма продуктивен;

д) специфическим способом выражения грамматических значений может также считаться редупликация, которая представлена в обоих языках. В русском это эмфатическое средство выражения высокой степени качества (*белый-белый*; *старый-старый*); в аварском – более грамматикализованное средство выражения дистрибутивной, распределительной множественности (*кIи-кIи* «по два»; *цо-цо* «по одному» и т.д.; в глагольной морфологии аварского языка редупликация характеризует также учащенный аспект).

Значительное место в плане соотношения формы и содержания в морфологии занимает и вопрос о соотношении между синтетическими и аналитическими средствами выражения, в той или иной степени представленными как в русском, так и в аварском языках.

Аналитизм и синтетизм обычно определяют в зависимости от выражения грамматического значения внутри слова или вне его, то есть в пределах предложения и, соответственно, от слитного или членимого характера грамматической формы. Соответственно, выражение грамматических значений в пределах слова (морфологическими категориями) свидетельствует о синтетизме, вне (в рамках синтаксических конструкций) – об аналитизме.

И тот и другой способы выражения грамматических значений зафиксированы как в русском, так и в аварском языке. Об аналитизме обычно говорят, когда имеется в виду

использование служебных слов, которые, если говорить об именном словоизменении, сводятся к предлогам в русском языке и послелогам в аварском:

рус. *в небо, на море, над облаками, под столом, по дороге, через вселенную, от винта*
ав. *столалда тIад* «на столе», *ВатIаналъе гIоло* «ради Родины», *клубалда нахъа* «за (позади) клубом», *рукъалда жанив* «в доме», *гъотIода аскIосан* «мимо дерева», *дида це-ве/цее* «передо мной».

По мнению В.Г. Гака, сюда можно отнести также окружение («замена слов, с которыми синтаксически связан данный элемент; изменение порядка элементов») [3, с. 87], однако здесь, на наш взгляд, мы выходим за пределы морфологии и вторгаемся в сферу лексики. Ср.:

рус. *за деревом – под деревом – перед деревом – над деревом*;
ав. *рукъалда жанив* «в доме» – *рукъалда аскIов* «около дома» – *рукъалда це-ве* «перед домом» – *рукъалда нахъа* «за домом».

В специальных работах отмечается, что аналитизм шире представлен в дагестанских языках, нежели в русском. Данное утверждение базируется на примерах расхождений в выражении таких грамматических значений, как падеж (в ряде дагестанских языков и число) несамостоятельных прилагательных и числительных, ср. рус. *большой (дом) – большого (дома)*, но авар. *кIудияб рукъ – кIудияб рукъалъул*; *два (дома) – двух (домов)*, но авар. *кIиго рукъ – кIиго рукъалъул*; степени сравнения прилагательных и др.

Возвращаясь к таким характеристикам сравниваемых языков, как флективность и агглютинативность, надо заметить, что в лингвистике понятия флективности и агглютинации (агглютинативности) используются несколько шире, чем было указано выше. В частности, как явление флективности трактуется совмещение означаемых, которое заключается в том, что одна морфема в пределах конкретной словоформы включает в себе сразу несколько грамматических значений.

В русском языке совмещение означаемых представляет собой весьма характерное явление и обнаруживается почти во всех флексиях. Например, *-у* в *дом-у* выражает дательный падеж и единственное число; еще более развито это явление у прилагательных, где одной морфемой выражаются одновременно род, число и падеж.

В аварском языке каждая морфема в конкретной словоформе имеет лишь одно закреплённое за ней значение. Случаи же совмещения означаемых, подобные описанным выше, выявляются в наличии классно-числовых показателей: *большой – кIудия-в* 1 кл. ед. ч., *кIудия-й* 2 кл. ед. ч., *кIудия-б* 3 кл. ед. ч., *кIудия-л* мн. ч. Как видно, в первых трех формах соответствующие показатели совмещают значения класса и числа. Аналогичный пример дают показатели косвенной основы, выражающие, кроме того, следующие значения: *-ас-* 1 кл. ед. ч., *-аль-* – 2/3 кл. ед. ч., *-аз-* – мн. ч.

Наконец, в этом же ряду следует рассматривать локативные формы, выраженные с помощью классных показателей. ср. *жани-в* (при субъекте/объекте I кл.), *жани-й* (при субъекте/объекте II кл.), *жани-б* (при субъекте/объекте III кл.) *жани-р* (при субъекте/объекте мн. ч.) «в доме». Тем не менее механика совмещения здесь иная: классный показатель означает классно-числовую принадлежность определенного именного члена предложения и в то же время его наличие само по себе служит индексом локализации «внутри».

Несмотря на наличие примеров подобного вида, для аварского языка больше характерна раздельность означаемых. Это, конечно, не может не свидетельствовать в пользу более выраженного агглютинирующего характера аварской именной морфологии по сравнению с русской. Соответственно, свойственное русскому языку совмещение означаемых говорит в пользу его флективного характера.

Омонимия морфологических единиц, то есть способность одной и той же звуковой последовательности выражать разные грамматические значения, характерна для обоих языков. Например, морфема *-л* в аварском языке является формантом родительного падежа (*инсу-л* «отца»), множественного числа субстантивов (*вац-ал* «братья»), грамматического класса прилагательных (мн. ч.: *хирия-л* «дорогие»), вариантом показателя кос-

венной основы в локативе (*школа-л-да* «в школе»), словообразовательным суффиксом существительных (*petle-l* «одежда»).

В русском языке грамматическая омонимия также имеет широкое распространение, например, морфема *-а* может передавать значение им. п. ед. ч. ж. рода (*лис-а*), им. п. мн. ч. ср./муж. рода (*дом-а, тел-а*), род. п. ед. ч. ср./муж. рода (*дом-а, тел-а*), вин. п. ед. ч. муж. рода, одуш. (*человек-а*), морфема *-у* – значение вин. п. ед. ч. ж. рода (*лис-у*), дат. п. мн. ч. ср./муж. рода (*дом-у, тел-у*), род. п. ед. ч. ср./муж. рода (*[кило] сахар-у*), дат. п. ед. ч. муж. рода, одуш. (*[в] лес-у*) и др. Приведенные выше ряды можно легко продолжить, если учесть данные глагольной морфологии; ср. *-а* в функции показателя ед. ч. жен. рода в прош. времени глагола (*ушла-а*), дееспричастия наст. вр. глагола (*держ-а*).

Русский язык отличается бóльшим разнообразием флексий по сравнению с аварским, поэтому омонимия в морфологии в количественном отношении более свойственна русскому языку, однако ее удельный вес среди общего числа грамматических формантов оказывается выше в аварском языке.

Таким образом, можно считать, что грамматическая омонимия больше присуща русскому языку. Омонимия формантов в русском языке часто приводит к омонимии словоформ, что для аварского языка – редкое явление. Ср. рус. *злой (человек)*, *злой (судьбы)*, *злой (судьбе)*, *злой (удел – им./вин.)*, *злой (судьбой)*, (о) *злой (судьбе)*.

В аварском языке грамматическая омонимия не достигает такой степени, как в русском. Определенный параллелизм между русским и аварским языком наблюдается в близости форм выражения именительного падежа множественного и родительного падежа единственного числа (рус. *рук-и, пол-я* – авар. *гIи-ял* «овцы», где в обоих языках средством различения грамматических форм является позиция ударения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 246 с.
2. Мадиева Г.И. Некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и аварского языков. 2-е изд. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 73 с.
3. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977. 300 с.

Поступила в редакцию 26.12.2014 г.

Принята к печати 30.04.2015 г.